

КІ 761629
Р63

сс 9/3

ПОЛИНА РОЖНОВА

ГЛУШИЦА

ПОЛИНА РОЖНОВА

ГЛУШИЦА

СТИХИ

7 761629

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1973

Рожнова Полина Константиновна
ГЛУШИЦА

Редактор В. К. Лиханова
Оформление Н. И. Кислякова
Художественный редактор В. С. Вежливцев
Технический редактор Н. Б. Буйновская
Корректор В. И. Пригодина

Сдано в наб. 14/IX 1973 г. Подп. в печ. 26/X 1973 г.
Формат бумаги 60×84/32 (бумага тип. № 1).
Физ. печ. л. 1,0. Усл. печ. л. 0,93. Уч.-изд. л. 0,976.
Тираж 5000. ГЕ00127. Цена 10 коп. Заказ 5793.

Северо-Западное книжное издательство.
Архангельск, пр. П. Виноградова, 49.

Областная типография, Вологда, ул. Калинина, 3.

7—4—2
24—73

© Северо-Западное книжное издательство, 1973 г.

РОССИИ

Я узнаю
тихие речи
всех ручьев твоих,
всех твоих речек!
И опять
на планете синей
я спою твои песни,
Россия!
И в стремительной
русской пляске
отобью
свои каблучки!..
Дай ты мне
Материнской ласки,
Материнской любви
научи!

ПРИГЛАШЕНИЕ НА ВОЛОГОДЧИНУ

Меня спрашивают:
— Откуда вы?
Отвечаю:
— Из Вологды!
— Где такая?
— Да от Москвы, —
продолжаю, —
рукой подать.
Вологжане так ласковы, —
начинаю рассказывать. —
Что ни гость —
то веселый пир.
Повелось —
первый тост
за мир.
Мед и пиво
да сладости —
все на диво
да к радости.
Слово за слово,
слово за слово,
и оглянешься —
уже засветло.
А хозяйева:
— На работу нам.
Надо цену дням
знать, друзья, и вам.

Путешествие
ведь не кончено:
Велика она,
Вологодчина!
Деревень и сел
и за день не счесть,
а живет кто в них,
тем хвала и честь.
Не пеняйте уж
на дороженьку,
кто в ходьбе не дюж
во сапоженьках.
Можно вовремя
повернуть назад.
— Воля вольному! —
люди говорят.

Все, мои друзья,
рассказать нельзя.
Приезжайте,
приглянется —
может, кто и останется.

ГЛУШИЦА МОЯ

Я пальцами трону прозрачные струи:
— Играй, балалайка, Глушица моя!
Играй, чтобы струи, как вещие струны,
воспели далекие эти края,

зеленые тропы, склоненные ивы,
мальчишек буденовки из лопухов
и листья берез, что на солнышке сивы,
как головы добрых седых пастухов.

Глушица! Глушица! Меня привечая,
наполни водою полуденный зной
и поле, чтоб красный цветок иван-чая
расцвел по дороге к деревне родной.

НА СЕНОКОСЕ

Зной!
Зной!
Зной!
Солнечный рой
над травой,
а за Глушицей-рекой:
— Эй, девчата, постой!
Воздух, право, хмельной!
Хватит, давай отбой!
Стог золотистой горой
в небо ушел головой...

Зной!
Зной!
Зной!
По полю смех рассыпной:
— Катька, чертенок злой,
окатила водой!
Ну, догоню, постой!..
Только девчата гурьбой:
— Не отдадим, дорогой,
выкуп давай
зем-ля-ни-кой!

Красная земляника —
выкуп, выкуп лесной.
Овод липучий кружится
над льняной головой.
Двое идут по полю
скошенной полосой.
Песня летит вдогонку
волной.

Зной!
Зной!
Зной!
Воздух такой голубой!
А за Глушицей-рекой
стог метают второй!

ЗЕМЛЯНИКА

В землянике девчонок платьица.
Земляником поляны красны.
С листьев капли прозрачные катятся
земляничной росы.

А в Глушице купают ребята
лошадей. Брызги к небу как пар!
А в лесу от зари до заката
земляничный пожар...

И цветы, и трава пламенеют,
и увидевшие, все враз,
бабы ахают, и немеют,
и, платки повязав до глаз,

лезут прямо в огонь,
и жарче
не бывает в округе дней.
Старики у крыльца судачат:
— Не управятся, ей-ей-ей!

За оврагами в поле березы
ночью пламенем белым горят,
а над спящей деревней звезды
земляничинами висят.

* * *

Внезапно ветра шум исчез,
рябина сникла.
Я к лесу:
— Как надолго, лес,
листва затихла?

В ладонь с елового ствола,
как позолота,
стекает медленно смола...
Тревожно что-то.

Желты ромашки до стеблей.
Желты купавы.
Не в муравейник муравей
ползет,
а в травы.

По листьям в золотой пыльце,
по бликам солнца,
и след его, как на лице
шрам, остается.

* * *

Мой отец берет балалайку,
садится на ступеньках крыльца...
Я не вижу его лица,
слышу только напевы тихие:
— Вот и кончилась война,
прошли бои великие!

И в деревне с утра
тишина стоит.
С ветки птица и та
невзначай не взлетит.

— Ты, земля моя,
ты мой светлый край,
разве ты, земля,
не для радости,
не для счастья?..

Мой отец сидит на ступеньках крыльца.
Ордена и медали есть у отца,
есть работа, дом,
но все чаще он
о друзьях поет невернувшихся.

— С Лосиноостровской —
Роман Межебовский...
На передовой
он писал стихи
под шрапнельный вой.

Тищенко Семен —
он в семнадцать лет
«смерть — за смерть друзей»
познавал завет.

Северных краев
и Дмитрий Шевелев...
Пулей грудь прожгло.
Только: — Не сдаюсь! —
крикнул. — Я назло
всем смертям вернусь!

Мой отец был танкистом.
Он в танке горел.
Через мины фашистов
танк горящий летел.

Песням нет конца,
пусть прошли бои.
И друзья отца —
все друзья мои.

Мой отец сидит на ступеньках крыльца.
Бесконечна, как песни, память отца.

* * *

Привыкла верить в имена,
которые светлы, как поле,
в которых неба пелена
или раздолье голубое.

Авдотья, Аннушка, Настасья...
Российских женщин красота
в себе таит и радость счастья,
и летней радуги цвета.

Но среди имен простых и славных,
и величавых, словно высь,
я славлю имя милой мамы,
которая дала мне жизнь.

* * *

Лебедь белая —
мама моя.
Косы короной
над головой.
Платье —
очага домашнего
огонь,
ткань из летних звуков...
Шаг —
и пчел пушистых рой,
шаг другой —
и плеск воды речной
Мама на плоту
белье полощет,
брызги золотые
в речку сеет.
Над волнами
платье
голубеет.
Поднимается потом
она по берегу.
Подорожник прохладный
к ступням
тянется,
а мама торопится,
сама себе улыбается.
Или вдруг нахмурится
от давнего и грустного...

Веревку от березы
к березе
протянет,
завяжет крепко-накрепко
на стволах узлы
и белье развешивать
медленно станет,
будто клавиши
пианино
перебирать.
Пальцы мамы ласково
глядят старый ситчик
платьев и штанишек,
рубашек и манишек...
И прищепки бельевые,
как паузы,
соединяют в мелодию
семейные радости.
Вдоль веревки
шагает мама...
Ветер пахнет мылом
и рекой.
Воцарился на земле
покой.
В нашем доме
стирка большая.
Мама влажной рукой
волосы
в корону заправляет.

* * *

Приходила маленькая женщина,
заплетала косы, точно девочка,
у такого зеркала прозрачного,
зеркала в серебряной обводочке.

А потом в немое отражение
вглядывалась долго и растерянно:
не она ль красивей и румянее,
как и прежде, всех на свете женщин?

Но тускнело виновато зеркало:
— Постарела, Августа-царевушка...

Проходила женщина по комнате
осторожно, тихо, неуверенно
и однажды, в день сорокалетия,
протянула мне свое сокровище.

И глаза ее тревожно дрогнули...
— Мама! Все неправда!
Ты красивее,
ты добрее всех, моя хорошая!..

Зеркало разбилось.
На осколочки.

* * *

Солнечные полосы
на стекле,
солнечные полосы
на столе.
И сама я —
солнечная полоса!
Ведь бывают же
на свете
чудеса?!

761629

ВОЛОГОДСКАЯ
общественная библиотека
им. И. В. Бабушкина

РЯБИНА

В тот первый день,
когда цветет рябина,
бывает в мире тишина такая,
как будто появляется причина
сказать о счастье, о любви, о жизни.
Сегодня все не так,
как раньше было.
Сегодня воздух
как на море волны.
И, если утром ты идешь по полю,
тебя относит в сторону цветов.
Зеленые созвездия рябины
и белые созвездия рябины...
Озарены ольхи и вяза листья,
и листья старой вековой березы.
Цветет рябина...
Парни по деревне
на посиделки медленно идут.
Рябина пахнет горечью и ветром,
и долгими невзгодами, и лаской.
Она росла на берегу реки.
Она под звон дождинок просыпалась,
от зим холодных снегом укрывалась.
В ее стволе осенние пожары,
а в чудных листьях очертанья молний.
Щекой к рябине если прикоснешься,
почувствуешь дыхание рассвета.

* * *

Мой светлый! Мой милый!
Вот август подходит к концу.
И листья малины
от ветра снуют по крыльцу.

Не сладость, а слабость
и горечь мне август послал.
Мне раньше на радость
ты письма большие писал.

Осталась я нынче
одна в окруженье забот.
За облаком птичий —
смотрю — начался перелет.

Мой милый! Мой светлый!
К тебе я сегодня хочу.
За птицами следом —
руками взмахну — полечу.

А дальше случится,
ты матери скажешь:—Смешно!
какая-то птица
с ладони склевала зерно.

Бездомна, похоже.
Доверчива—страшно смотреть.
И даже не может
с ладони на ветку взлететь!

У ГЛУШИЦЫ

1

На юг улетали птицы,
ручьи замедляли бег,
и ждал меня у Глушицы
задумчивый человек.

Тянулась к смородине лошадь
через дощатый забор...
А я говорила: «Алеша,
к тебе у меня разговор.

Не уезжай, Алеша!..»
Раскачивала у домов
лиственная пороша
линии проводов.

В окнах то загорался,
то гас электрический свет,
а человек улыбался
и говорил: «Нет».

2

Так получилось, Алеша:
Глушица опять глубока,
бьется карась в ладошах
удачливого рыбака.

Судьба это или судьбинка?
Светло отраженье в стекле:
проигрыватель и пластинка,
река и рыбак вдалеке.

И в такт заведенной пластинке
на середине реки
две голубые кувшинки
качаются, как поплавки.

И лиственная пороша
летит к проводам опять!
...Ведь я же тебя, Алеша,
просила не уезжать!

3

Алеша, не — до свиданья,
теперь навсегда — прощай!..
— Напрасные были старанья! —
вздохнет почтальонша. — Пеняй

во всем на себя, дуреха,
парень что надо был:
российское имя Олеха,
российская гордость и пыл.

Видала... Одно загляденье...
А ты? А тебе — не впрок!
Я выслушаю сожаленье
и почтальонши упрек.

Березы родимой округи
меня обступили опять.
Не могут, не могут руки
мне крыльями нынче стать!

И мне потому, возможно,
прошлого нынче жаль,
что я говорила: «Алеша,
Алеша, не уезжай!»

* * *

У тебя горе,
у меня вдвое.
Стану на угоре
на тебя в угоре.

От худого слова
молва понеслась:
— Где любовь, скоро
там и напасть.

Уехал чуть со светом —
и поделом!
Нанесло, как ветром,
нескладицы в дом.

Покричу с угора:
— И так хватает бед!
Пустяшная ссора —
да простыл след.

Крапивой до порога
крыльцо обовью.
— Скатертью дорога! —
двери затворю.

Как люди ни судачат,
а небыль — что вода.
Пускай тебе удача,
мне — никогда!

Приноровлюсь и к доле,
и к судьбе.
Помогут стены в доме!
А кто тебе?

* * *

Как водилось на нашей земле?
Листья — лету, снега — зиме,
дождик — осени, цветень — маю,
речка — озеру, девка — парню.

Ты нарушил земли закон!
Летом — стужа со всех сторон,
крыша — с течью, стена — с дырой,
дверь — со скрипом, а ты — с другой.

Ты нарушил земли закон.
Испокон тот закон силен!
Лед — растает, звезда — сгорит,
я — прощу, земля не простит.

* * *

Отговорил меня ехать
в деревню пожить,
родню навестить,
косить подсобить.
Сказать не стыдился:
— Дороже покой!..
В кого уродился
ты только такой?
Грубо отвел,
как цветку на окне,
место во мне
родной стороне.
Сколько угодно
хвастаться мог:
— Рано ли, поздно —
увянет цветок!
Как ни старался
ты,
от цветка
корень остался
наверняка.
Бури-метели
буйствуют зря.
Силой наделит
корень земля.

ВОТ Я И ДОМА

Вот я и дома.
У крыльца стоят
Коричневые стоптанные туфли,
в которых мама ходит поросят
и кур кормить.
К сарайке
поленница прижалась.
В тесноте с крапивой
уживаются ромашки.
Вот я и дома.
И цветы ивашки
из-под мостков
таращат лепестки
на солнце,
на березовое небо.
И ломоть хлеба
делит мой братишка
с мальчишками
на берегу реки.
Гордится:
перешел он в пятый класс!
К примеру — если взять —
соседский Игорь,
ведь тот и вовсе
в школе не бывал.
И мой братишка
отломил ему

ту половину,
где побольше масла
намазано.
А я смотрю —
и кажется —
уменьшилась деревня.
Иль это просто
подрасли деревья?
Но мама замечает
мой приезд,
бежит навстречу,
руки у нее в золе...
Вот я и дома.
И чугунок с картошкой
дымится на столе.
От кожуры
картошку чищу я,
и слушает родня
мои рассказы
о городе,
где вековой березы выше
куранты Красной площади...

В РОДНОЙ ДЕРЕВНЕ

Я лето провела в родной деревне,
косила травы и полола гряды
и не меняла день-деньской наряды
соседкам и друзьям на удивленье.

Немало настоящего упорства
понадобилось мне на самом деле,
чтоб руки мои сделались сильнее,
а ноги обрели опять проворство.

Стога, как звезды, на земле сияли.
Сверчки в сухих травинах верещали.
Я собирала землянику, щавель,
когда в работе руки уставали.

И приобрел мой сарафан расцветку
трав и цветов, и крыльев птиц, и неба!
Узнала я, что назначенье хлеба —
быть, как и счастье, нужным человеку.

Была я быстрой, попевала всюду.
Ничто не омрачало мне рассветов...
Я провела в родной деревне лето,
которое подобно было чуду.

ВОЛОГОДСКАЯ ОСЕНЬ

Милости просим
к нам — на Вологодчину!
У нас
Такая осень!
Выйдешь на обочину
города старинного —
все березы
 розовы,
все осины
 синие.

У нас не просто
 утро,
у нас —
счастливый день.
А над болотом утки
оранжевая тень,
И там уже блуждает
какой-то мужичок.
Собака звонко лает.
Ружьишко за плечом...
У нас не просто
 солнце,
а что ни осень —
солнышки,
как золотое просо,
как золотые зернышки,
припасены на зиму,

запасы не малы —
полные корзины,
полные амбары.

У нас не просто
ягоды,
а ягоды-сластинки,
и сороки-ябеды
по своей слабинке
разболтают быстро
где,
когда...

У нас дождинки —
бисером,
зеркало —
вода.

У нас не просто
девушки,
а девушки — Аленушки.
И никуда не денешься,
не сыщешь ухоронушки,
когда увидишь косы
и аленький платок...

У нас же просто
осень
особая, браток!

СОДЕРЖАНИЕ

России	3
Приглашение на Вологодчину	4
Глушица моя	6
На сенокосе	7
Земляника	9
«Внезапно ветра шум исчез...»	10
«Мой отец берет балалайку...»	11
«Привыкла верить в имена...»	13
«Лебедь белая — мама моя...»	14
«Приходила маленькая женщина...»	15
«Солнечные полосы на стекле...»	17
Рябина	18
«Мой светлый! Мой милый!..»	19
У Глушицы	20
«У тебя горе...»	23
«Как водилось на нашей земле?...»	25
«Отговорил меня ехать...»	26
Вот я и дома	27
В родной деревне	29
Вологодская осень	30

10 коп.

